

Раздел 1. БИОГРАФИЯ И ТВОРЧЕСТВО Н. Д. КОНДРАТЬЕВА: НАСЛЕДИЕ

1

Послесловие к беседе, которая состоялась почти тридцать лет назад*

С. Л. Комлев

В статье воспроизводится текст беседы автора с доктором экономических наук А. А. Конюсом, которая состоялась в конце 80-х гг. прошлого века, в годы перестройки и гласности, когда стало возможным возвращение в научный оборот незаслуженно забытых имен советских экономистов, ставших жертвами политических репрессий. А. А. Конюс оставил воспоминания о деятельности Конъюнктурного института Народного комиссариата финансов, который в 1920-е гг. возглавлял Н. Д. Кондратьев. Институт ставил перед собой задачу изучения конъюнктуры мирового и отечественного хозяйства с целью управления стихийными процессами в экономической жизни страны при помощи дирижистских методов, в том числе в сфере финансового регулирования. Особое внимание в беседе было уделено методам построения индексов «свободных» рыночных цен.

Ключевые слова: экономическая история СССР, исследования конъюнктуры мирового рынка, научное планирование и прогнозирование в СССР, дирижизм в СССР, индексы цен в СССР, экономическое наследие Н. Д. Кондратьева, советские экономисты в годы нэпа.

Эта беседа с Александром Александровичем Конюсом, единственным живым на тот момент научным сотрудником кондратьевского Конъюнктурного института Наркомата финансов СССР, состоялась в 1987 г.¹ В его

* Источник: Комлев 1991: 163–180.

¹ В конце 80-х гг. был жив еще один сотрудник Конъюнктурного института, Л. С. Черкасский; на знаменитой фотографии, которую мне подарил А. А. Конюс, он стоит рядом с ним. Черкасский не был научным сотрудником, а, по сути, присматривал за коллегами как представитель первого отдела. На встречу с ним я отправился в г. Витебск. Но содержательной беседы у нас не получилось: ветеран НКВД просил меня оставить его в покое.

квартире на Таганке я появился, проведя почти год работы в ЦГАНХ, где изучал архивные документы Конъюнктурного института НКФ в процессе подготовки первого издания избранных трудов Н. Д. Кондратьева в академической серии «Экономическое наследие». В конце 80-х в научный оборот стали возвращаться имена забытых экономистов, и я, тогда старший научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений АН СССР, активно включился в этот процесс, инициированный, в свою очередь, Институтом экономики АН СССР. Предложенная вниманию беседа является по существу результатом нескольких месяцев общения с А. А. Конюсом, в процессе которого мой собеседник, которому было тогда за 90 лет, вспоминал все новые и новые детали событий 60- и 70-летней давности.

Текст беседы приводится без купюр и изменений в том самом виде, в котором он был опубликован в 1991 г. В содержании беседы читатель без труда обнаружит представления, характерные для поздней перестроечной эпохи. Советский Союз еще не распался, а В. И. Ленин считался мудрым основателем государства, и никак не «злодеем» или «немецким шпионом». Существовала иллюзия мирной трансформации, без повторения очередного «великого перелома», социализма в капитализм с «человеческим лицом», которая так и осталась иллюзией. И именно потому, что современная экономическая наука так и не нашла адекватных ответов на вопросы, которые волновали Н. Д. Кондратьева и его коллег в 20-е гг. прошлого столетия, опыт Конъюнктурного института не потерял актуальности и сегодня². Чем примечателен этот опыт?

Наверное, тем, что Конъюнктурный институт представляет собой непревзойденный до сих пор на российской почве образец синтеза прикладной и фундаментальной экономической науки. Решение практической задачи «измерения покупательной способности денег» в реалиях советской экономики сопрягалось с исследованиями глобального характера и обогащалось ими. Перед исследователями ставилась задача гигантского масштаба: ни много ни мало овладение стихийными и разрушительными силами рынка, но не путем его разрушения, а путем понимания его закономерностей, их предвидения и использования механизмов государственного регулирования с целью минимизации негативных последствий. Кондратьев опирался на лучшие достижения мировой экономической мысли того времени, но предпочитал идти своим путем, что, естественным образом, не приводило к раблепному следованию шаблонам, которые навязывались извне. Наконец, основатель института не боялся «звездного» со-

² Чем, например, объяснить мировой кризис 2008 г., последствия которого мировая экономика не может преодолеть до сих пор? Н. Д. Кондратьев наверняка не оставил бы без внимания вопрос, почему финансовая система в постсоветской России в течение последней четверти века функционирует в отрыве от реальной экономики.

става сотрудников, каждый из которых являлся незаурядной личностью. Подобное, вопреки расхожему мнению, притягивает подобное.

* * *

Безвозвратно ушли в прошлое времена, когда из советской науки вычеркивались ученые и целые школы. Напоминанием о них остались белые пятна в ее истории, в частности и в истории экономической науки. Яркие, однако на долгие годы преданные забвению страницы в историю науки в 20-е гг. XX в. вписал Конъюнктурный институт – крупнейшее тогда в стране научное учреждение по изучению состояния советского и мирового хозяйства. Во главе института стоял замечательный ученый Н. Д. Кондратьев. В его стенах плодотворно работали такие видные советские экономисты, как А. Л. Вайнштейн, Я. П. Герчук, И. Н. Жиркович, М. В. Игнатъев, Л. М. Ковальская, А. А. Конюс, И. Н. Леонтьев, Д. И. Опарин, Т. И. Райнов, Е. Е. Слуцкий, Н. С. Четвериков, Н. Н. Шапошников, В. Э. Шпринк, Н. В. Якушкин.

Упоминание о Конъюнктурном институте у большинства современных экономистов может в лучшем случае вызвать ассоциации с одноименным институтом Министерства внешней торговли СССР в Москве. Не найдем мы Конъюнктурный институт в последней четырехтомной энциклопедии по политической экономии, которая вышла в 70-х гг. Вместе с тем этот институт в годы нэпа являлся одним из ведущих центров советской экономической мысли. Н. Д. Кондратьеву удалось сплотить в нем коллектив ученых, который оставил заметный след в отечественной науке и по праву может считаться ее гордостью. Работы института уже в 20-е гг. получили мировое признание. Его деятельность, в частности, нашла отражение в фундаментальном исследовании по истории мировой экономической мысли Й. Шумпетера (Shumpeter 1954: 1157–1158).

В судьбе Конъюнктурного института и сформировавшейся вокруг него школы советских ученых отразился весь драматизм эпохи 1920-х гг. Решая сложнейшие проблемы строительства социалистического хозяйства, школа Н. Д. Кондратьева³ поставила на службу этому строительству лучшие достижения мировой науки. Закономерно, что эта школа первой выступила против иллюзии вседозволенности в экономике, дала развер-

³ Понятие «школа Кондратьева» получило широкое хождение в конце 1920-х гг. и являлось своего рода ярлыком, а по существу – обвинительным вердиктом «вредителям» и «проводникам классово чуждой линии» в деле коллективизации и индустриализации. Школа Кондратьева в этом смысле была собирательным понятием, под которое подпадали агрономы с дореволюционным стажем, земские статистики, инженеры из «бывших» и другие «спецы», которые в любой момент могли быть разоблачены как члены мифических контрреволюционных партий, бюро, союзов. Историкам науки еще предстоит выяснить, почему именно Н. Д. Кондратьев был избран организаторами сфальсифицированных процессов на роль главы несуществующей Трудовой крестьянской партии. В данном случае речь идет о школе Кондратьева в научном смысле, институционально сложившейся вокруг Конъюнктурного института в Москве.

нутую критику волюнтаризму в планировании и зарождающейся административно-командной системе. Закономерно и то, что она одной из первых испытала на себе удары этой системы.

Чтобы определить масштабы тех потерь, которые понесла экономическая наука в конце 20-х – начале 30-х гг., необходимо, отказавшись от политических ярлыков времен сталинщины, дать строго научную оценку наследию школы Конъюнктурного института. Сегодня советская наука делает первые шаги в этом направлении, которые оказались возможны в результате судебной реабилитации ученых.

Возрождение интереса к Н. Д. Кондратьеву и ученым его круга не только дань уважения к незаслуженно забытым именам. Школа Кондратьева представляет собой то утраченное звено советской экономической науки, которым она была неразрывно связана с мировой и лучшими образцами дореволюционной экономической мысли. Поэтому овладение наследием этой школы – шаг на пути преодоления автаркической тенденции в развитии советской науки.

Школе Кондратьева присуща высокая научная культура, проявившая себя в глубоком понимании природы саморегулирующихся процессов в экономике, разработке методологии исследования рынка. Возрождение этой культуры – необходимое условие успешного проведения в жизнь радикальной экономической реформы.

Предлагаемая вниманию читателей беседа освещает малоизвестные страницы истории экономической науки 1920-х гг. В беседе принимает участие один из старейшин советской науки Александр Александрович Конюс, доктор экономических наук, член редакционного совета международного статистического журнала «Метрон», почетный доктор политической экономии Мюнхенского университета, действительный член Международного эконометрического общества. А. А. Конюс родился в 1895 г. в Москве. В 20-е гг. был сотрудником Конъюнктурного института Наркомфина СССР⁴. Беседу с А. А. Конюсом ведет Сергей Львович Комлев – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений АН СССР.

С. К.: Александр Александрович, Ваша научная деятельность началась в 20-х гг. в знаменитом Конъюнктурном институте, часто называемом по имени его создателя «кондратьевским». Что привело Вас туда?

А. К.: Конечно, в начале 20-х гг. число научных учреждений, занимающихся экономикой, было не так велико, как, скажем, сейчас. Но выбор мой определило не только это обстоятельство. Несмотря на молодость, Н. Д. Кондратьев уже в начале 20-х гг. был значительной фигурой в научном мире, и работать под его началом было по меньшей мере почет-

⁴ 5 апреля 1990 г. А. А. Конюс скончался.

но. Предложение Кондратьева стать сотрудником его института, который тогда расширялся с переходом в подчинение Наркомата финансов СССР, было принято мною, разумеется, без колебаний. В Конъюнктурном институте я проработал с начала 1923 г. до его окончательного расформирования.

Все же уточню, что моя научная деятельность началась еще до прихода к Кондратьеву, в годы учебы в Кооперативном институте. Полное название института звучало так: Кооперативный институт при Совете все-российских кооперативных съездов. Это учебное заведение было создано в первые годы советской власти в Москве, преподавали в нем известные русские кооператоры: С. Н. Прокопович, А. В. Меркулов, С. Л. Маслов, А. А. Рыбников. Мне повезло, судьба свела меня здесь с А. В. Чаяновым. Я всегда считал себя его учеником, хотя было время, когда и произносить его имя вслух считалось предосудительным. До сих пор храню у себя одну из своих работ с его замечаниями. В Кооперативном институте я познакомился с Н. Д. Кондратьевым, который читал у нас один из спецкурсов – по экономике льноводческого дела.

Окончил я институт в 1920 г., и в том же году его ликвидировали, так что первый выпуск студентов оказался для него и последним. Некоторые преподаватели института тогда эмигрировали. Имели возможность выехать и Кондратьев, и Чаянов, но они считали, что их место на родине, да и, наверное, без нее не мыслили свою жизнь. Кондратьев вскоре стал преподавать в Петровской, сейчас Тимирязевской, сельскохозяйственной академии, где и основал в том же 1920 году Конъюнктурный институт. До 1923 г. это была по существу небольшая научная лаборатория, которая жила энтузиазмом его сотрудников. Преподавал в академии и Чаянов. Кроме того, он руководил работой Высшего семинара сельскохозяйственной экономики и политики. Руководил, как сейчас принято говорить, на общественных началах. Семинар собирался обычно в Москве, в помещении на Тверском бульваре. Наряду с многочисленными слушателями на заседания семинара приглашались ученые самых различных взглядов и убеждений. Бывали там и С. Г. Струмилин, и Б. Д. Бруцкус⁵. После Кооперативного института я работал статистиком и одновременно старался посещать все занятия семинара, которые проходили исключительно интересно. Впоследствии из слушателей этого семинара образовался не менее известный, чем кондратьевский, чаяновский Научно-исследовательский институт сельскохозяйственной экономики. Мои занятия у Чаянова привлекли внимание Кондратьева, и вскоре последовало предложение, о котором я уже говорил.

⁵ Бруцкус Борис Давидович (1874–1938) – русский экономист, профессор. После революции редактировал журнал «Экономист». В 1922 г. был выслан из страны.

С. К.: Вместе с Н. Д. Кондратьевым Вы проработали несколько лет. Расскажите, каким был Ваш заведующий институтом?

А. К.: Невысокого роста, сухощавый – таким запомнился мне Кондратьев. Держался он уверенно, как, надо думать, подобало профессору. В суждениях был прям, часто резок, хотя эта резкость происходила от неподдельной заинтересованности в работе, которой он отдавал себя. Несмотря на огромную занятость, он был всегда открыт для общения.

Когда я поступил в Конъюнктурный институт, Кондратьеву было чуть больше 30 лет. Многие его сотрудники были значительно старше своего заведующего. Авторитет ему создавали, конечно, не годы и не должность. Был он ученым особого, разностороннего склада, автором оригинальных исследований по социологии, теоретической экономике, статистике, философии. Прекрасно разбирался в математике. Даже в тюрьме старался не отставать от тех новых идей, которые появлялись в математике. Сужу об этом по тому, что через его жену, Елену Давыдовну, посылал ему математическую литературу. Одно время он очень интересовался последней книгой А. А. Маркова «Теория вероятности».

Человек огромной энергии, он был центром, вокруг которого вращалась вся жизнь института. Как заведующий он непосредственно направлял работу его секций, брался за самые непростые вопросы. Отличала его и высокая научная культура: мне не известно ни одного случая, когда он ставил бы свою подпись под чужой работой или присваивал себе результаты исследований своих сотрудников. Выступая от лица института с докладами, он всегда оговаривал персональный вклад каждого участника той или иной разработки.

Нельзя не сказать и о том, что трудился он с полной самоотдачей, на которую способен только человек, увлеченный делом. Заведование институтом, который по тем временам считался крупным – в нем насчитывалось около 50 сотрудников, – занимало большую часть его времени. Кроме того, были преподавание в Тимирязевской академии и работа в Земплане при Народном комиссариате земледелия. Помнится, в разговоре с Кондратьевым я посетовал на то, что научное творчество возможно только тогда, когда ученый окружен условиями особого комфорта. «Учитесь работать в любых условиях, – ответил мне Кондратьев, – я приобрел привычку обдумывать свои идеи даже тогда, когда еду на извозчике».

С. К.: Какие практические задачи стояли перед Конъюнктурным институтом?

А. К.: В конце 1922 г. в связи с проведением денежной реформы в обращение были выпущены червонцы. Поэтому главная задача, стоявшая перед нашим институтом как подразделением Наркомата финансов СССР, заключалась в том, чтобы следить за устойчивостью новой валюты. Для этого, разумеется, необходима была постановка квалифицированных

наблюдений за конъюнктурой. Такую задачу определило перед нами тогдашнее руководство Наркомата во главе с Г. Я. Сокольниковым. В значительной мере по его инициативе Конъюнктурный институт сменил прописку и переместился на Ильинку, 9, в здание, которое и сейчас занимает Министерство финансов СССР.

С. К.: В письме от 2 мая 1922 г., адресованном Г. Я. Сокольникову, В. И. Ленин подчеркивал, что условия «спекулятивного рынка» вызывают необходимость организации оперативного контроля за соотношением эмиссии и ростом цен (Ленин 1970б: 178). Можно предположить, что, пригласив Кондратьева и его коллег на работу в Наркомфин в январе 1923 г., новый нарком (а им Сокольников стал в декабре 1922 г.) тем самым выполнил указание Ленина.

А. К.: Вероятно, так оно и было. Добавлю только, что В. И. Ленин, осуществив поворот страны к нэпу, прекрасно сознавал, что для управления народным хозяйством потребуется статистика, в которой наглядно отразилась бы вся динамика его развития. В 1921 г. по меньшей мере трижды – в письмах в Госплан, ЦСУ и редакцию газеты «Экономическая жизнь» – Ленин указывал на безотлагательную необходимость исчисления с этой целью *index-numbers* по образцу заграничных. В письме от 1 сентября 1921 г. в редакцию «Экономической жизни» Ленин настаивал на «выработке *index-number* (числа-показателя) для определения общего состояния нашего народного хозяйства» и ежемесячной его публикации (Он же 1970а: 114; см. также: Он же 1970в: 214; 1970г: 122–123). Надо сказать, что такое внимание к индексам Ленин уделял неспроста, так как дело это было новое и опыта в нем не было почти никакого. Даже самое понятие «индекс» тогда еще не стало общепринятым. Правда, перед Первой мировой войной бывшее Министерство промышленности и торговли начало вычислять индексы оптовой торговли и печатать в «Своде товарных цен». Но это было, пожалуй, все.

С. К.: В 1901 г. вышел сделанный В. И. Лениным перевод книги английских социалистов Сиднея и Беатрисы Вебб, в которой упоминалось об индексах цен А. Зауэрбека. Для русского читателя, который в ту пору практически не имел представления об индексах, В. И. Ленин снабдил перевод специальным комментарием, в котором популярно разъяснил их суть (Ленинский... 1980: 20).

А. К.: Н. Д. Кондратьев и его коллега по Конъюнктурному институту Людмила Марьяновна Ковальская в 1920 г. начали вычислять первый после Октябрьской революции, а судя по всему, и в истории страны, индекс розничных цен, который был позже опубликован. С весны 1922 г. началась регулярная публикация индексов в «Экономическом бюллетене Конъюнктурного института». В нем сообщались индексы оптовых цен: московские большой, по 98 товарам, и малый, по 39 товарам, индексы розничных цен частной торговли.

С сентября 1921 г. по июнь 1924 г. в Конъюнктурном институте исчислялся Всероссийский индекс «вольных» розничных цен по 15 товарам. Впоследствии этот индекс был заменен более совершенным. Публикации статистических материалов сопровождал анализ конъюнктуры, который готовили как сотрудники института, так и приглашенные с этой целью специалисты. По расхождениям большого и малого московских индексов, которые имели различный состав товаров, можно было, в частности, судить о движении относительного уровня цен промышленных и сельскохозяйственных товаров, то есть «растворе ножниц» цен. В новом индексе цен для этого стали вычисляться специальные субиндексы по указанным группам товаров.

С. К.: Работы Н. Д. Кондратьева и Л. М. Ковальской были по достоинству оценены советскими статистиками тех лет. Так, об исчислении индекса розничных цен по Москве (1920 г.) и Всероссийского индекса частной торговли (1921 г.) советский экономист С. П. Бобров писал: «В условиях интенсивно падающей валюты, дезорганизованного хозяйства, неналаженных аппаратов это были почти героические попытки» (Бобров 1925: 22).

Особое значение, которое Кондратьев придавал индексам розничных цен, объяснялось тем, что он считал их для советского хозяйства тех лет наиболее чувствительным индикатором конъюнктуры. При изучении динамики хозяйства капиталистических стран он, напротив, рассматривал индексы оптовых цен как более важный инструмент анализа.

А. К.: Да, в значительной мере благодаря индексам розничных цен деятельность Конъюнктурного института приобрела исключительно важное практическое значение. Например, общесоюзный индекс розничных «вольных» цен вошел в систему трех основных индексов народного хозяйства СССР. В нее кроме розничного входили оптовый индекс Госплана и бюджетный индекс цен Бюро статистики труда. Последний в отличие от розничного включал только товары, входящие в паек рабочего.

Учитывая важность работы над индексом розничных цен, Наркомфин еще до перехода Конъюнктурного института в его подчинение передавал в распоряжение последнему сведения местных финансовых органов. Они сообщали институту цены примерно по 50 городам. Хотя сам институт оставался при этом чисто научным учреждением, подготовленные им материалы часто использовались при обосновании тех или иных мероприятий экономической политики. Переход Конъюнктурного института в Наркомфин СССР придал официальный статус практической стороне его деятельности, заметно ее усилил. При этом институт сохранил за собой реальную автономию, прежде всего в выборе направлений научных исследований.

С. К.: Восхищает проницательность и научная смелость Н. Д. Кондратьева. Ведь он всерьез взялся за исследование конъюнктуры в октябре

1920 г., то есть тогда, когда еще не предвиделся поворот от военного коммунизма к нэпу, когда, по образному выражению А. В. Чаянова, «никакой рыночной конъюнктуры, кроме сухаревской, не существовало» (Чаянов 1926: 254). История возникновения Конъюнктурного института – наглядный пример того опережения, которого мы сегодня ждем от нашей экономической науки.

А. К.: Не забывайте, что за годы Первой мировой и Гражданской войн, интервенции денежное хозяйство страны пришло в такое расстройство, что рост дороговизны приобрел масштабы национального бедствия. Для ученого в то время не было более ответственной задачи, чем поиск путей выхода из кризиса. Именно так понимал свой долг Кондратьев. Поэтому он не нуждался в указаниях сверху, чтобы начать изучение динамики цен. Ведь без оценки размеров бедствия, каким являлась инфляция, нельзя было определить и средства борьбы с ней.

Думаю, что и с профессиональной точки зрения Кондратьев считал, что он опоздал с организацией Конъюнктурного института. Незадолго до того в США возникло Гарвардское экономическое бюро, которое быстро выдвинулось в лидирующее в мировой науке учреждение по изучению конъюнктуры. Кондратьев создавал свой институт по типу американского. По мнению Чаянова, кондратьевский институт уже в середине 20-х гг. работал вровень с американскими исследовательскими организациями.

С. К.: Не менее авторитетный отзыв, относящийся к тому же времени, я нашел в Центральном государственном архиве народного хозяйства СССР, работая над архивом Конъюнктурного института. Он принадлежал Э. Вагеману, директору Берлинского конъюнктурного института. По его признанию, Конъюнктурный институт при Наркомате финансов «по тонкости своих методов и высоким научным достоинствам работ» представлял лучшее в Европе учреждение этого типа и не уступал исследовательским организациям США (ЦГАНХ СССР. Ф. 7733. Оп. 5. Д. 71б. Л. 123 об.).

А. К.: В Наркомфине, а точнее, в его научном подразделении – Финансово-экономическом бюро – Конъюнктурному институту были предоставлены весьма благоприятные возможности как для методологических, так и для текущих работ по изучению конъюнктуры. С точки зрения последних выигрыш состоял в том, что Конъюнктурный институт получил в свое распоряжение разветвленный аппарат губернских и уездных финорганов на местах. Благодаря этому стало возможным построение нового общесоюзного индекса розничных цен для 35 товаров (с 1927 г. – 49 товаров), который вычислялся в двух вариантах: полном, по 101 городу раз в месяц, и сокращенном, по 40 крупнейшим городам подекадно. Сначала индекс отражал только частную торговлю, но с начала 1927 г. включил в себя цены кооперативной и государственной торговли. Наблюдение за ними и вычисление соответствующих индексов по Москве велось с 1924 г.

Поддержка Наркомфина СССР позволила Кондратьеву расширить и укрепить кадровый состав института. В 1923 г. в Конъюнктурный институт пришел замечательный ученый и человек Николай Сергеевич Четвериков. До этого он заведовал отделом научной методологии ЦСУ, в Госплане возглавлял работы над индексом оптовых цен. В 1926 г. Кондратьев привлёк к исследованиям института экономиста-математика с мировым именем Евгения Евгеньевича Слуцкого. В 1910-е гг. он высказал оригинальные идеи в развитие теории потребительского спроса В. Парето. В России идеи Слуцкого не заметили. Статья его вышла в Италии в 1915 г. Впоследствии в направлении, указанном Слуцким, хотя и независимо от него, работал известный английский экономист Дж. Хикс.

С. К.: Александр Александрович, чем был вызван пересмотр методологии построения индексов розничных цен в 1924 г.? До того времени общий индекс из групповых индексов товаров вычислялся по средней арифметической без взвешивания. Новые же индексы стали рассчитываться цепным методом как средняя геометрическая групповых индексов с установленными весами.

А. К.: Придание весов товарным группам позволило существенно усовершенствовать индексы Конъюнктурного института. Что касается цепного метода, то он был избран потому, что позволял замены одних сортов товаров другими, не меняя при этом ни базисных цен, ни всех предыдущих исчислений. Такие замены были неизбежны в условиях, когда цены собирались почти со всей территории Советского Союза.

Использование геометрической средней в мировой практике тогда делало свои первые шаги, поэтому переход к ней стал предметом серьезного изучения. За переход к новой средней выступили Н. С. Четвериков и заведующий секцией индексов и цен института М. В. Игнатъев. Сторонником перехода являлся и я. На мой взгляд, главный недостаток арифметической и гармонических средних состоит в том, что эти средние вызывают систематическую ошибку соответствующих им агрегатных индексов. Агрегатный индекс с количествами базисного периода, приводимый к формуле средней арифметической, дает преувеличенные результаты, если между изменениями количеств и цен существует обратная зависимость. При том же условии, практически всегда наблюдаемом, агрегатный индекс с текущими весами, преобразуемый к формуле средней гармонической, напротив, устойчиво занижает динамику цен. Одним из первых отметил это обстоятельство И. Фишер, который предложил свою «идеальную» формулу индекса – среднюю геометрическую из произведений двух упомянутых мною агрегатных индексов. Оба этих индекса при расчетах цепным методом накапливают присущую им ошибку. Индекс, исчисляемый по средней геометрической из групповых индексов, хотя и не лишен недостатков, такой грубой ошибкой не обладает. Отчасти это вызвано тем, что его веса –

доли в товарообороте или потребительском бюджете – менее чувствительны, чем натуральные количества, к изменению цен.

С. К.: Средняя геометрическая, а в ряде индексов в сочетании со средней арифметической, стала характерной особенностью методологии Конъюнктурного института. Так, институт первым в стране построил индекс физического объема промышленного производства. Заслуга в этом принадлежала известному советскому статистику Я. П. Герчуку.

Геометрическая средняя нашла применение и в другой системе индексов института, так называемых крестьянских индексов, которым было суждено остаться уникальным явлением в истории советской статистики. Крестьянские индексы отражали динамику продаваемых и приобретаемых крестьянами на местных рынках товаров. Эти индексы характеризовали тем самым благосостояние крестьянских хозяйств и их покупательную способность. Учитывали они и цены на труд сельскохозяйственных рабочих. Индексы рассчитывались по восьми специализированным сельскохозяйственным районам в РСФСР и УССР и, таким образом, показывали относительную конъюнктуру различных отраслей полеводства и животноводства. Руководил работами над крестьянскими индексами заведующий секцией конъюнктуры сельскохозяйственного рынка И. Н. Жиркович. Институт приступил к вычислению индексов в 1925 г. С 1926 по 1929 г. они регулярно публиковались (ЦГАНХ СССР. Ф. 7733. Оп. 5. Д. 716. Л. 17).

Надо сказать, что институт имел свой печатный орган – «Экономический бюллетень Конъюнктурного института». Он предназначался как для специалистов, так и для широкого читателя. С 1924 г. бюллетень стал хозяйственным изданием. К 1927 г. его тираж достиг значительной для того времени цифры – 2 тыс. экземпляров. Он сообщал подписчикам примерно 150 различных показателей, отражающих динамику народного хозяйства СССР, отдельных его отраслей, а также мировой экономики. Особое внимание в бюллетене уделялось ценовой статистике: от движения цен на сельскохозяйственные и промышленные товары, так называемых «ножниц», до сопоставления цен на важнейшие товары в СССР и за границей. Печатались в нем и индексы реальной зарплаты по Москве и Советскому Союзу.

А. К.: Конъюнктурный институт в 1923 г. начал публиковать единый экономический показатель динамики народного хозяйства, тот самый, о необходимости «выработки» которого писал В. И. Ленин в редакцию «Экономической жизни». Единый показатель вычислялся как средняя геометрическая от взвешенной определенным образом комбинации индексов. В нашем показателе их было восемь: цены, денежное обращение, продукция тяжелой и легкой индустрии, товарооборот, труд, торговля и грузооборот. Новизна единого показателя заключалась в том, что он объединял по существу разнородные динамические ряды, обладающие общим свойством – отражать главные элементы хозяйственной динамики.

Единый показатель в изданиях института первоначально назывался «экономическим барометром». Название это было условным, так как индекс только констатировал, а не предсказывал конъюнктуру. В точном смысле барометр стал вычисляться М. В. Игнатьевым позднее и публиковаться начиная с 1927 г. Это был барометрический показатель покупательной силы денег. Он предсказывал колебания цен частного рынка по предваряющему эти колебания движению комбинированной кривой, которая изображала разность между денежной и товарной массой. Барометр стал действовать с апреля 1924 г. Сначала он довольно точно охватывал отражение толчков выпуска денег на розничных ценах через 4 месяца. Однако в конце 1929 г. барометр «испортился» – колебания денежной массы и цен частного рынка стали происходить одновременно. Барометр создавался применительно к условиям первых лет нэпа, в конце же 20-х гг. характер экономики существенно изменился.

С. К.: Попытаюсь расшифровать, что Вы имели в виду под условиями первых лет нэпа. Конъюнктуру в эти годы отличала ярко выраженная «восстановительная» тенденция, которая и определила динамику хозяйства в целом. По мнению М. В. Игнатьева, она «перекрыла» проявление понижательной волны «большого» цикла. Не были обнаружены в годы нэпа и циклические колебания, характерные для дореволюционного хозяйства. Однако «короткие» кризисы, по выражению Игнатьева, относящиеся по типу к случайным колебаниям, не только имели место, но и переживались экономикой страны весьма болезненно (Игнатьев 1925: 74–75; 1927: 656–657). Эти краткосрочные колебания, а также имеющие более регулярную природу сезонные волны, естественно, стали основным объектом внимания при изучении конъюнктуры советского хозяйства.

Н. Д. Кондратьев ставил перед институтом чрезвычайно важную для того времени задачу – определить условия возникновения указанных колебаний, научиться прогнозировать их и таким образом нейтрализовать их отрицательные последствия. Что же касается «коротких» кризисов и подъемов, то их изучение непосредственным образом смыкалось с оценкой эффективности мероприятий государственного регулирования экономики.

А. К.: Вы правы в том, что наш институт не ограничивался простым наблюдением за конъюнктурой. Большая личная заслуга в этом принадлежала Н. Д. Кондратьеву. В 1920-е гг. он одним из первых в стране попытался соединить конъюнктуроведение с прогнозированием и планированием. Поколению экономистов, к которому отношусь и я, к сожалению, не удалось оценить все значение этой попытки.

С. К.: Н. Д. Кондратьеву принадлежал грандиозный, даже по современным представлениям, замысел создания в Советской России школы научного планирования и прогнозирования. Краеугольным камнем ее ме-

тодологии являлся эмпирический метод – накопление и обобщение данных о развитии хозяйства и выявление с помощью методов математического анализа закономерностей его динамики.

Другая важная сторона методологии школы Кондратьева – признание неразрывного единства плана и рынка. Рассматривая планирование как средство, призванное избавить экономику от острых кризисных потрясений, Кондратьев тем не менее не рассматривал его как альтернативу, подмену рынку. Рынок в его представлении оставался адекватной средой для функционирования как капиталистического, так и социалистического хозяйства. Более того, Кондратьев считал рынок и цены, формирующиеся в соответствии с внутренними законами последнего, необходимой предпосылкой планирования, которая обеспечивала объективность информации о состоянии хозяйства.

По существу, он видел назначение руководимого им института в познании законов динамики товарного производства, овладении этими законами и их использовании в интересах нового общества. Отсюда вытекала и еще одна особенность методологии научной школы Кондратьева – признание роли прогноза как главного инструмента плана.

Планирование Кондратьев понимал как единый процесс составления текущих и перспективных планов. Научное обоснование текущих планов продолжительностью до года заключалось в отработке приемов прогнозирования экономической ситуации на этот срок. Прогноз опирался на изучение динамических процессов краткосрочного характера. Построенный исходя из такого прогноза план включал в себя конкретные мероприятия, необходимые для его реализации, и отличался детальной проработкой его элементов. Перспективные планы имели в своей основе прогноз долгосрочной эволюции хозяйства. Такой прогноз учитывал прежде всего закономерности хозяйственной динамики с более длительным периодом развития и определил лишь общие контуры будущего состояния экономики. В данной связи уместно отметить, что интерес к изучению больших циклов конъюнктуры, исследование которых возглавил в институте лично Кондратьев, носил не только академический характер. Источником этого интереса служили в первую очередь практические задачи, потребности создания теории долгосрочного планирования и прогнозирования.

Отстранение от должности заведующего институтом в начале 1928 г. и последовавший за этим арест не позволили Н. Д. Кондратьеву завершить свой замысел. Работы Кондратьева по большим циклам, опубликованные в 1926 и 1928 гг., оказались по существу наиболее законченной частью его теории планирования и прогнозирования. В 1930-е гг. эти работы принесли его автору мировое признание, а изученные им долговременные колебания конъюнктуры вошли в научный оборот под названием циклов (волн) Кондратьева.

Сегодня мы по-новому оцениваем научное наследие Н. Д. Кондратьева, в том числе и его работы по планированию, в которых он призывал чутко прислушиваться к «органическим» тенденциям развития хозяйства.

Александр Александрович, над какими проблемами работали в институте Вы?

А. К.: Я был принят в институт помощником заведующего секцией индексов и цен. Под моим контролем собирались, проверялись и систематизировались цены, которые мы получали от наших корреспондентов. В институте были также специальные сотрудники, которые фиксировали цены на Смоленском и Сухаревском рынках в Москве. Попутно замечу, что узнать «живую» цену товара, не купив его, было делом непростым. В институте была разработана даже специальная инструкция, согласно которой, кроме прочего, регистратор был обязан фиксировать не ту цену, которую ему первоначально называли, а последнюю цену, которую продавец выкрикивал вслед уходящему регистратору.

Мое главное назначение в институте Н. Д. Кондратьев видел в научно-методической работе. Сферой моих научных интересов являлись индексы стоимости жизни, то есть индексы, которые выражали изменение денежной стоимости потребительского бюджета. Теоретическим исследованиям в этом направлении Кондратьев придавал большое значение. От степени точности и репрезентативности индексов цен потребительского бюджета зависело правильное установление заработной платы, на основе этих индексов производились крупнейшие хозяйственные расчеты и составлялись прогнозы.

Проблема индексов стоимости жизни была непосредственно связана с другой – определением уровня потребления, так как реальное изменение стоимости жизни можно измерять, сравнивая за определенный период только одинаковые уровни потребления. В моей первой работе (Конюс 1924) мне удалось показать недостатки агрегатных индексов, которые недоучитывали то обстоятельство, что при изменении цен в силу эластичности спроса потребляется иная совокупность благ, а следовательно, меняется уровень потребления. Если регулировать заработную плату в строгом соответствии с агрегатным индексом, имеющим количества базисного периода, то уровень потребления у покупателя будет повышаться. Напротив, если предположить, что регулирование ведется с помощью агрегатного индекса, использующего веса текущего периода, то уровень потребления будет падать. Эти идеи я развивал в последующих работах и прежде всего в статье, написанной в 1926 г. совместно с доктором физико-математических наук С. С. Бюшгенсом (Конюс, Бюшгенс 1926).

Н. Д. Кондратьев поощрял интерес сотрудников института к фундаментальным проблемам. В частности, занимаясь теоретическими основами построения индексов стоимости жизни, я начал применять аппарат

кривых безразличия. Свои выводы я изложил в нескольких докладах в институте. Следуя за В. К. Дмитриевым и М. И. Туган-Барановским, я считал плодотворной идею диалектического синтеза теории трудовой стоимости с теорией предельной полезности. Так, с одобрения Н. Д. Кондратьева в планах института появилась тема «Теория индексов покупательной силы денег в свете учения К. Маркса». Довести эту работу до публикации я не успел.

С. К.: Чем измеряется уровень потребления, иначе говоря, полезность данного набора товаров?

А. К.: Измерить уровень потребления в каких-либо натуральных единицах невозможно. Я рассматриваю его как функцию количеств потребленных товаров. Между двумя уровнями потребления существуют только три соотношения: либо неравенства «больше», «меньше», либо равенство. В математике такие соотношения называются частичным упорядочением, специальным видом которого является булева алгебра. В свое время я касался вопроса о возможностях использования ее наряду с уже известными областями применения – в математической логике и теории вероятностей – также и в теории потребления (Конюс 1984). В 30-е гг. много сделал для развития булевой алгебры советский математик В. И. Гливенко. Умер он рано, в 40-е гг., и работы его экономистам-математикам малоизвестны.

С. К.: Александр Александрович, как Вы оцениваете период работы в Конъюнктурном институте с научной точки зрения?

А. К.: По прошествии более 60 лет с той поры думаю, что этот период научной деятельности был исключительно плодотворным. В изданиях Конъюнктурного института были опубликованы мои важнейшие работы. Они были высоко оценены коллегами по институту и Финансово-экономическому бюро Наркомфина. Их отметил и один из наиболее авторитетных в 20-е гг. экономистов профессор В. Я. Железнов. Но все-таки не было того, чего я как молодой ученый с нетерпением ожидал. Те важные вопросы, которые были подняты в моих статьях 1924 и 1926 гг., предметом серьезного обсуждения так и не стали. В конце 20-х гг. мечтать об этом уже не приходилось. Например, моя написанная с С. С. Бюшгенсом статья удостоилась только того, что ее назвали «математизированной бем-баверкиадой». В вопросе о том, какими должны быть советские индексы цен, утвердилась волевым порядком одна точка зрения. Полагаю, что давно пришло время вернуться к обсуждению вопросов, дискуссия по которым была закрыта, не начавшись.

С. К.: Александр Александрович, известно, что Ваши исследования, выполненные в Конъюнктурном институте, положили начало целому направлению в мировой индексологии. Ваше имя стало известно зарубежным экономистам в 20-е гг.?

А. К.: Это произошло не сразу. Первым в конце 1920-х гг. на мою статью 1924 г. обратил внимание профессор Берлинского университета В. фон Ворткевич, выходец из России. Затем ее заметил швейцарец Г. Штеле, а американец Г. Шульц, знавший русский язык, рекомендовал ее для журнала «Эконометрика», где она вышла в английском переводе в январе 1939 г. Мою работу 1926 г., по-видимому, впервые отрецензировал канадец с русскими корнями Э. Диверт в 1970-е гг.

Также в «Эконометрике» в 1937 г. вышел и перевод статьи Е. Е. Слуцкого «Сложение случайных причин как источник циклических колебаний», которая впервые была опубликована в трудах Конъюнктурного института в 1927 г. Эта работа Слуцкого была оценена на Западе как крупное научное открытие, и с тех пор о нем знает каждый экономист-математик.

С. К.: Если путь к зарубежному читателю в 30-е гг. для многих исследований Конъюнктурного института, подготовленных в 20-е гг., оказался непрост, то их возвращение к советскому читателю растянулось на десятилетия. Причудливо сложилась судьба работы сотрудника института Тимофея Ивановича Райнова, в которой он впервые в мировой науке исследовал длинные волны в сфере научно-технических изобретений. В расчетной части работы большую помощь Райнову оказал Четвериков. Райнов сделал доклад на эту тему в Комакадемии в 1927 г., но результаты его исследования опубликованы не были. Работа, в которой были заложены основы современной наукометрии, сохранилась только в английском переводе, так как была напечатана в международном журнале «Изис» в 1929 г. Наконец, в 1983 г. русский перевод в сокращенном виде опубликовал журнал «Вопросы истории естествознания и техники». Однако из статьи было исключено то, что составляло суть исследования – длинные волны в научной активности.

До сих пор у нас широко распространено убеждение, что первая школа экономистов-математиков сложилась в СССР только в 1960-е гг. Очевидно, что эта датировка устарела, так как отражала установку замалчивать многие достижения экономической науки до «великого перелома».

Не вызывает сомнения, что экономисты, группировавшиеся вокруг Конъюнктурного института, представляли советскую экономическую науку. Что касается Конъюнктурного института, то он, как советское учреждение, в своей деятельности руководствовался решениями партийных и государственных органов, коллегии Наркомфина СССР. Заведующий институтом непосредственно отчитывался перед начальником Финансово-экономического бюро Наркомфина. С 1924 по 1928 г. им являлся старый большевик, член партии с 1902 г., экономист по образованию М. Г. Бронский. В 1917 г. Бронский принимал участие в организации переезда В. И. Ленина в Россию из эмиграции. В 1928 г. по обвинению в покровительстве «буржуазным» экономистам и использовании их рекомен-

даций в период реконструкции народного хозяйства был смещен с должности, а позднее репрессирован.

В годы нэпа Конъюнктурный институт играл большую роль в экономической жизни страны. Эта роль не исчерпывалась подготовкой статистических публикаций. Огромный авторитет институту принесли научно-консультационные работы. Его сотрудники ежегодно готовили свыше 100 справок и записок по специальным заданиям ЦК ВКП(б), ВЦИК, ИККИ, ЦКК, ВСНХ, Комцессома и других организаций. В Конъюнктурный институт, о чем говорят архивные документы, обращались прежде всего за консультациями по вопросам о состоянии в прошлом и настоящем хозяйства капиталистических стран и нашего хозяйства, его отдельных секторов и отраслей, прогноза конъюнктуры, оценки проведенных или предполагаемых мероприятий экономической политики. Материалы института в разное время использовали в своих публичных выступлениях Н. И. Бухарин, Ф. Э. Дзержинский, М. И. Калинин, Л. Б. Каменев, Л. Д. Троцкий. Этот список далеко не окончательный и может быть, я думаю, продолжен. О доверии к Н. Д. Кондратьеву свидетельствует и то, что он, не будучи членом партии, являлся ответственным редактором двух периодических изданий по экономике – «Экономического бюллетеня Конъюнктурного института» и журнала «Вопросы конъюнктуры». Причем идею издания последнего журнала в 1925 г. поддержал в своем письме, адресованном коллегии Наркомфина, Н. И. Бухарин.

А. К.: Это письмо сыграло свою роль в принятии коллегией решения об издании «Вопросов конъюнктуры». Так сложилось, что появлению на свет своей статьи 1926 г. я в немалой степени обязан Н. И. Бухарину.

С. К.: О прочном положении Конъюнктурного института в середине 20-х гг. как одного из крупнейших научных центров страны говорит и такой факт. Через Н. С. Четверикова Н. Д. Кондратьев в 1926 г. начал переговоры о возвращении на родину известного ученого-статистика А. А. Чупрова, эмигрировавшего вскоре после революции. В одном из писем Четвериков писал Чупрову: «...Николай Дмитриевич Кондратьев... поставил мне вопрос о возможности Вашего возвращения в Москву; Конъюнктурный институт сейчас стоит прочно, несмотря на некоторую конкуренцию со стороны госплановского Конъюнктурного совета; условия работы в нем сейчас приемлемы вполне, никакого малейшего насилия над исследовательской совестью нет. Опубликование результатов также возможно, как Вы в этом убедитесь, когда получите первый номер «Вопросов конъюнктуры»... Вопрос о ежегодном выезде за границу можно будет, вероятно, поставить как основное условие.

Несомненно, в институте вы найдете штат сотрудников, каких вряд ли сможет выставить какое-либо второе учреждение в России; сотрудников, которые от всей души работают над самыми мучительными подчас зада-

ниями. Самые задачи на Ваше полное усмотрение: любое экономико-статистическое исследование найдет свое место в системе работ института, да и центральная его задача – изучение взаимной связи хозяйственных показателей – так безбрежно широка... Само собой разумеется, что вся техническая работа по налаживанию вычислений Вас не коснется, свободная преподавательская работа возможна вполне... Минусы: всегда все у нас “под ударом”, нет ничего неизбежного, нет таких установлений, таких штатов, таких планов, которых существование не подлежало бы ведению стохастики. Но повторяю, что относительно положение Конъюнктурного института и лично Н. Д. Кондратьева весьма устойчиво. Это до некоторой степени относится и к выездам за границу... Не скрою, что, по мнению весьма сведущего лица, мнением которого Вы имеете все основания дорожить, “лучше, если возможно, подождать еще хоть год”⁶.

Надо полагать, что Н. Д. Кондратьев был хорошо знаком с предостережением «сведущего лица», которое оказалось пророческим. Но подстраиваться под такую «конъюнктуру», менять в соответствии с ней свои научные взгляды он не стал.

А. К.: «Стохастику», о которой писал Н. С. Четвериков, нельзя было не почувствовать. Мне самому довелось присутствовать в начале 1925 г. в Наркомземе СССР на отчете Н. Д. Кондратьева о его поездке за границу. Реакция зала на доклад Кондратьева, в котором говорилось об успехах фермерского хозяйства в США, была неоднозначной. Свое неприятие услышанного мой сосед высказал достаточно ясно: «Мели, мели, Емеля, пришла твоя неделя».

С. К.: Со второй половины 1927 г. положение Конъюнктурного института резко изменилось. Вместе с утверждением курса на свертывание нэпа и переходом к административно-командным методам управления экономикой направление исследований Конъюнктурного института было признано «буржуазным» и «вредным». С этого времени практически все исследования, выходившие из стен Конъюнктурного института, получали негативную оценку. Не осталась незамеченной и острая критика Н. Д. Кондратьевым и другими сотрудниками института, а также научными силами Финансово-экономического бюро Наркомфина СССР ошибочных предположений, заложенных в проект первого пятилетнего плана. В своих статьях и многочисленных публичных выступлениях Кондратьев доказывал, что сверхвысокие темпы (в ходе реализации плана они еще несколько раз корректировались в сторону повышения) развития тяжелой индустрии неизбежно приведут к разбалансированности экономики, подрыву внутреннего рынка, а значит, разрыву экономического союза рабочего класса и крестьянства, неизбежному усилению административного диктата в экономике.

⁶ Отдел редких книг и рукописей Библиотеки им. М. Горького (МГУ), д. 16, карт. 24.

Кампания политических обвинений против заведующего институтом началась в середине 1927 г. Сигналом к ней послужила статья Г. Е. Зиновьева, опубликованная в 13-м номере журнала «Большевик». Статья называлась «Манифест кулацкой партии» и изображала Н. Д. Кондратьева лидером некой партии, получившей «реальное политическое влияние в некоторых важнейших наших государственных органах». Предложения Кондратьева по исправлению допущенных крайностей экономической политики, призывавшие по существу вернуться к ленинской концепции нэпа, были квалифицированы Зиновьевым как программа «реставрации капитализма».

Статья Зиновьева появилась накануне июльского Пленума ЦК и ЦКК ВКП(б), который должен был рассмотреть вопрос о пребывании ее автора в партии за участие в оппозиционной деятельности. Избрав мишенью своей критики «буржуазного» профессора Н. Д. Кондратьева, Зиновьев стремился не только восстановить свою репутацию, но и направлял удар против правых в партии, в первую очередь против Н. И. Бухарина. В примечании к статье редакция «Большевика» заверила читателя, что существование кулацкой партии является преувеличением автора публикации. Однако пущенный Зиновьевым в оборот фантом несуществующей партии оказался реально способным в атмосфере тех лет управлять судьбами людей.

Работая над архивом Конъюнктурного института, я имел возможность наблюдать, как со второй половины 1927 г. подпись заведующего перестала фигурировать в официальных документах, направлявшихся институтом в вышестоящие инстанции. Развязка последовала в начале 1928 г. Сначала, в апреле, Н. Д. Кондратьев был отстранен от руководства институтом и переведен на должность консультанта, а затем уволен из Наркомфина СССР. С 1 июля 1928 г. прекратил свое существование и Конъюнктурный институт как подразделение Наркомфина СССР.

Решение об отстранении Н. Д. Кондратьева от заведования Конъюнктурным институтом, а затем передача самого института из Наркомфина СССР в ЦСУ являлись чисто политическим решением. Тем не менее в постановлении СНК СССР от 8 мая 1928 г. эта передача мотивировалась необходимостью концентрации статистических исследований в стране. И в этом вопросе, пожалуй, стоит разобраться. Александр Александрович, известно, что наряду с Конъюнктурным институтом работа над индексами цен велась в ЦСУ, Госплане, Центросоюзе, ВСНХ. Была ли объективная необходимость в концентрации усилий в этой области?

А. К.: Сама идея индексов цен достаточно ясна и проста, однако имеется много различий в методах их построения. Нельзя забывать, что любой индекс – это только модель, которая с разной степенью приближения отражает реальное движение цен. С этой точки зрения тот «статистический» плюрализм, который существовал в 20-е гг., был вполне уместен.

Отмечу и такую немаловажную деталь. Одновременное и независимое друг от друга собирание разными учреждениями сведений о ценах и вычисление индексов является необходимым способом проверки и обеспечения достоверности статистического материала. В 20-е гг. рассчитывалось несколько индексов цен и любое заинтересованное лицо могло получить исчерпывающую информацию о методах их построения, наборе товаров, характере регистрируемых цен и т. д. в открытой печати. Справочный материал такого рода об индексах Конъюнктурного института был опубликован по меньшей мере трижды (Игнатъев 1925: 97–143; Кохн 1926: 166–177; Динамика... 1930: 92–173).

С. К.: Современный индекс цен рассчитывается по единой методологии, но как конкретно, думаю, не знает большинство специалистов.

А. К.: Выскажу и такое соображение. Универсального индекса цен, годного на все случаи жизни, по-видимому, быть не может. Между учреждениями, которые в 20-е гг. рассчитывали самостоятельно свой индекс, существовало определенное разделение труда. Оно диктовалось различным целевым назначением индексов. Индексы розничных цен Конъюнктурного института, например, предназначались для того, чтобы с максимальной оперативностью охватить картину меняющейся конъюнктуры хозяйства. Именно за это качество они высоко ценились. В интересах оперативности наблюдение велось за сравнительно небольшим набором товаров, наиболее представительных для товарооборота. В ЦСУ индекс розничных цен рассчитывался по более широкому набору товаров. Однако тем требованиям, которые предъявлял Наркомат финансов к «конъюнктурным» индексам, он не отвечал. Централизация работы над индексами в одном учреждении, конечно, нарушила сложившееся разделение труда.

Что касается судьбы Конъюнктурного института, то его перевод в ЦСУ не способствовал укреплению тех исследований, которые в нем велись, а фактически привел к их свертыванию, так как была прервана его связь с финансовыми органами на местах. В ЦСУ институт просуществовал чуть больше года, некоторое время им заведовал известный советский статистик П. И. Попов. В конце 1929 г., незадолго до преобразования ЦСУ в управление Госплана СССР – ЦУНХУ, институт расформировали.

С. К.: Напрасно Н. Д. Кондратьев и его коллеги пытались доказать очевидную нецелесообразность решения о передаче института в ЦСУ. Прежде всего ими критически оценивалась сама идея централизации статистических исследований в стране. В служебной записке института говорилось: «Работа двух учреждений (ЦСУ и Конъюнктурного института. – С. К.) над проблемой оценки конъюнктуры обеспечивает их взаимный контроль и критику как методов работы, так и источников сведений. Что касается параллелизма в области научных работ, то вопрос этот в настоя-

шее время по существу даже не стоит, ибо Конъюнктурный институт является единственным учреждением, ведущим в крупном масштабе научно-исследовательскую работу в области научной конъюнктуры» (ЦГАНХ СССР. Ф. 7733. Оп. 5. Д. 716. Л. 84 об.).

Перевод в ЦСУ означал прекращение важнейших работ института, так как они не могли быть выполнены вне Наркомфина СССР, нарушались и сложившиеся связи института с Финансово-экономическим бюро банков. В свою очередь, ЦСУ в этот период не было подготовлено к разрыву дополнительных исследований: «Исчисление крестьянских индексов в ЦСУ не производится и не может быть в ближайшем будущем там налажено, – отмечалось в той же записке института, – ввиду того что значительное сокращение штатов, произведенное в ЦСУ, заставило его отказаться от подготовки новых работ» (Там же. Л. 104–105).

Александр Александрович, как сложилась Ваша судьба после ликвидации Конъюнктурного института?

А. К.: После 1929 г. я был вынужден оставить работы над построением индексов цен. Конъюнктурные исследования в стране были прекращены, а многочисленные отделы конъюнктуры в различных ведомствах упразднены. Мне был уготован ярлык «не нашего человека» и «ученика вредителя». Людей с таким ярлыком последними принимали на работу и первыми увольняли, избавляясь от них при первой же возможности, например сокращениях аппарата. Я в 30-е гг. испытал на себе, что такое безработица, жизнь в атмосфере недоверия и устойчивых предубеждений. К работе в центральных научно-исследовательских учреждениях экономического профиля я вернулся в 1945 г., тогда же защитил кандидатскую диссертацию. Моя судьба сложилась вполне благополучно по сравнению с судьбой многих моих товарищей по Конъюнктурному институту. Полагаю, что я избежал репрессий, потому что считался не экономистом, но математиком-прикладником, а использование математических методов в экономике не составляло большого преступления. В институте я не был лично близок к Н. Д. Кондратьеву.

С. К.: Расскажите о тех преследованиях, которым подвергались Ваши коллеги по институту.

А. К.: О судьбе многих из них мне почти ничего не известно. Люди исчезали и потом появлялись через много лет, некоторые больше не возвращались. Первым, еще в 1928 г., арестовали С. Ш. Меклера. После увольнения Н. Д. Кондратьева он работал заведующим Бюро финансовой конъюнктуры Наркомата финансов. Меклера объявили шпионом и сослали на Соловки. После ареста Кондратьева в 1930 г. были приговорены к высылке или заключению в лагерь сроком от 2 до 4 лет Н. С. Четвериков, бывший помощник заведующего институтом И. Н. Леонтьев, а также Я. П. Герчук, А. Л. Вайнштейн, В. А. Ревякин, Г. С. Кустарев, В. Э. Шпринк, сотрудни-

ки секции сельскохозяйственного рынка Н. И. Жиркович и И. Н. Озеров. Во время второй волны репрессий в 1937–1938 гг., как я узнал недавно, были расстреляны Н. Д. Кондратьев, А. А. Карпов, И. О. Дик; В. Э. Шпринку смертная казнь была заменена 25-летним заключением. Второй раз к заключению в лагерь в это же время был приговорен Н. С. Четвериков. В начале 1941 г. исчезла Л. М. Ковальская. В молодости она участвовала в революционном движении в группе с Н. И. Бухариным, и это, видимо, послужило поводом для ареста. Как сложилась ее судьба, мне неизвестно.

Репрессии коснулись не всех научных сотрудников Конъюнктурного института, однако большинству из них пришлось так или иначе оставить избранную сферу деятельности. Даже если представить, что Н. Д. Кондратьев не был бы арестован и осужден, то и тогда он вряд ли смог бы остаться экономистом. От него потребовалось бы отречение от самого себя, своих взглядов, чего, я думаю, он никогда бы не сделал.

Ушел из экономики М. В. Игнатъев. Он стал крупным специалистом по биометрии, доктором биологических наук. Т. И. Райнов занимался в Конъюнктурном институте проблемами экономического равновесия, после 1930 г. он целиком посвятил себя изучению истории науки. Е. Е. Слуцкий стал широко известен у нас своими работами по математике, однако мало кто сейчас знает, что Слуцкий был и серьезным экономистом. Очень немногие мои коллеги, которые прошли лагеря и ссылки, смогли продолжить свои исследования в области экономики. Здесь я должен отметить прежде всего А. Л. Вайнштейна, который в 60-е гг. завершил свои работы по проблемам национального богатства и дохода, начатые еще в Конъюнктурном институте. Вернулись к научной работе Н. С. Четвериков и Я. П. Герчук.

С. К.: Н. Д. Кондратьев и многие его коллеги были осуждены по сфабрикованному делу о Трудовой крестьянской партии, вождем которой был назван Кондратьев. Организаторы процесса для расправы над ученым и его школой воспользовались, не мудрствуя лукаво, уже готовой схемой обвинения, предложенной в свое время Г. Е. Зиновьевым, но, что называется, довели дело до логического конца. Чудовищная нелепость обвинения заключалась в том, что на Кондратьева и других «вредителей» была возложена ответственность за провалы в экономике, к которым те не имели ни малейшего отношения. А ведь именно они предсказывали возможность таких провалов и предостерегали от них, когда ситуация могла быть еще исправлена. Громкими процессами И. В. Сталин и его окружение одновременно решали несколько задач. Во-первых, нейтрализовать потенциальных критиков административной системы хозяйствования, во-вторых, направить в выгодное для себя русло недовольство упавшим жизненным уровнем населения, в-третьих, создать в стране атмосферу страха.

Гонениям подверглись не только сотрудники Конъюнктурного института, но и методы расчета индексов, которые составляли достижения научной школы Н. Д. Кондратьева.

Критический анализ, необходимый науке, из инструмента ее развития превратился в конце 20-х гг. в свою противоположность. Исходная предпосылка критики – якобы «буржуазная» методология индексов порочна по своему существу – оказалась одновременно и результатом, конечным выводом любого исследования. Круг замкнулся. Само конкретное содержание критики определялось уже квалификацией исполнителей. В чем только не обвиняли Н. Д. Кондратьева, М. В. Игнатьева, Я. П. Герчука, И. Н. Жирковича и др. Были здесь обвинения и в мистицизме и идеализме (Статистика... 1932: 391). С. Г. Струмилин называл индексы розничных цен Конъюнктурного института «спекулянтскими», за крестьянскими индексами отрицал экономический смысл (Струмилин 1980: 248–249). Со студенческих лет статистикам внушалось, что формула И. Фишера несет в себе идеологически вредный буржуазный смысл и совершенно ненаучна. Рецидивы такой критики можно было встретить в статистической литературе еще в 60-е гг.

В разоблачениях «ненаучного» характера индексов Конъюнктурного института участвовали и бывшие его сотрудники (см., например: Конъюнктура 1931; Батуев 1941: 111–112). На фоне потока публикаций, в которых институт и его заведующий упоминались исключительно с уничижительными эпитетами, выделялась Ваша, Александр Александрович, статья «Экономическая конъюнктура», опубликованная в 51-м томе Энциклопедического словаря Гранат в 1933 г. В ней была предпринята попытка обобщить мировой опыт конъюнктуроведения, нарисовать объективную картину деятельности Конъюнктурного института Наркомфина СССР.

А. К.: Не стоит переоценивать значение этой статьи, учитывая время, когда она писалась. Словарь Гранат тогда доживал свои последние дни, и моя статья повлиять на общую тональность публикаций о Конъюнктурном институте, естественно, не могла.

Конечно, же, разделение индексов цен на марксистские и буржуазные абсурдно. Агрегатный индекс с весами текущего периода, объявленный у нас высшим достижением марксистской индексологии, например, успешно служил официальной итальянской статистике во времена Муссолини. Я уже говорил о недостатках агрегатной формулы с переменными весами, главный из которых – систематическая ошибка в сторону занижения динамики цен. При использовании цепного метода происходит накопление этой ошибки.

Агрегатный индекс с переменными весами верно отражает динамику цен только в хозяйстве, где существует строгое, «казарменное» нормиро-

вание продуктов и полностью отсутствует связь между их количествами и ценами. Но такая связь сохранялась всегда, даже у нас в 30-е гг., когда эта формула индекса по настоянию В. Н. Старовского и Б. С. Ястремского была признана единственно правильной. В современной экономике, где выбор потребителя весьма широк, где не обузданы инфляционные процессы, агрегатный индекс с переменными весами сильно искажает динамику цен.

Полагаю, что публикуемый у нас индекс розничных цен никак не учитывает и исчезновение из товарооборота дешевых товаров при сохранении твердых цен. Когда подобные процессы проявили себя в конце 20-х гг., Конъюнктурный институт рассматривал вопрос о введении в индекс, отражающий общий уровень цен, поправки, учитывающей вероятность приобретения товаров по данным ценам.

С. К.: С 1927 г. у нас начала складываться административно-командная экономика. Как изменились в этих условиях методы изучения конъюнктуры? Расскажите, в частности, об индексе «особо чувствительных к инфляции» товаров, которые институт планировал вычислять со второй половины 1927 г.

А. К.: В условиях строгого контроля за ценами частной торговли или жесткой их фиксации в обобщественном секторе наблюдение за конъюнктурой становилось все более затруднительным. Свободными от регулирования оказались главным образом товары не первой необходимости, «условно-роскошные», как мы их называли. Они в наибольшей степени отвечали целям конъюнктурных исследований. В этот разряд нами было включено 28 продовольственных и 29 непродовольственных товаров. Индекс вычислялся по Москве. Потом индекс «условно-роскошных» товаров стал предметом особых нападков на Конъюнктурный институт, важным доказательством его «буржуазности».

Периодический товарный голод и связанное с ним отсутствие достаточно развернутого ассортимента товаров создавали дополнительные трудности для обработки динамических рядов цен. С весны 1928 г. в «Экономическом бюллетене» стал публиковаться своеобразный показатель дефицитов – число интерполированных товаров в индексе цен, то есть товаров, цены на которые реально не фиксировались из-за их отсутствия в продаже, а условно вводились в индекс. Были предложения вычислять специальный индекс очередей, но до практического воплощения этой идеи дело не дошло.

Продолжу свою мысль. Нужно отбросить многие предрассудки, прежде всего подозрительность в отношении западного опыта, и внимательно изучить мировые достижения в области индексологии. От этого престиж советской науки, которая длительное время пребывала в самоизоляции, только выиграет. У Н. Д. Кондратьева можно поучиться той настойчивости, с которой он искал и использовал все лучшее, что появля-

лось за рубежом. Он считал свои исследования частью мировой экономической науки и гордился тем, что поставил советскую конъюнктурную статистику на уровень лучших мировых достижений.

С. К.: Эту гордость, должен сказать, не могли скрыть сухие строки официальных документов Конъюнктурного института. Приведу выдержку из справки, подготовленной в 1926 г. В ней Н. Д. Кондратьев как крупное достижение Конъюнктурного института выделял то обстоятельство, что «благодаря признанному за ним научному авторитету удалось поставить в иностранной экономической печати информацию о хозяйстве СССР на один уровень с информацией о главных странах мира». «Особо следует подчеркнуть, – продолжал Кондратьев, – что при этом сведения, сообщаемые институтом для иностранной печати, печатаются без всяких изменений, чем достигается правильная информация за границы о нашем хозяйственном положении» (ЦГАНХ СССР. Ф. 733. Оп. 3. Д. 1248. Л. 39).

Начиная с 1926 г. ежемесячные и квартальные статистические обзоры Конъюнктурного института, характеризовавшие состояние советской экономики, начали регулярно перепечатываться в журналах Лондонской экономической школы, а затем Английского статистического общества, а также в бюллетене Федерального резервного бюро США. В 1926 г. в журнале Лондонской экономической школы подобные обзоры охватывали только такие страны, как Англия, Франция, Италия, Германия, США и СССР.

Сводки данных об экономической конъюнктуре советского хозяйства, подготовленные институтом Наркомата финансов, публиковались в статистических сборниках многих европейских стран и США, а также в документах Лиги Наций. Все это являлось безусловным успехом молодой советской науки.

Было чем гордиться и самому Н. Д. Кондратьеву, выходцу из многодетной крестьянской семьи, который своим трудом и талантом «пробился», по его собственным словам, «от сохи до профессорской кафедры». Закончив Петроградский университет в годы войны, молодой ученый за короткий срок стал мировой величиной в науке. При жизни Кондратьева были переведены на иностранные языки все значительные его статьи. Он был избран членом семи экономических и статистических обществ в США и Великобритании. Входил в редколлегию американского научного журнала по общественным наукам. Был лично знаком или состоял в переписке с крупнейшими экономистами своего времени: У. Митчеллом, А. Бернсом, С. Кузнецом, Э. Янгом, У. Персонсом, И. Фишером, Дж. М. Кейнсом, А. Боули, А. Афталионом, В. фон Борткевичем, Э. Вагеманом, У. Риччи.

Н. Д. Кондратьев ничуть не преувеличивал, когда определил в качестве одной из целей, стоящих перед институтом, «стремление занять определенное место среди наиболее авторитетных научно-экономических учреждений главных стран, чтобы в своей специальной области демон-

стрировать участие СССР в решении вопросов, занимающих мировую экономическую мысль» (ЦГАНХ СССР. Ф. 733. Оп. 3. Д. 1248. Л. 39). Как здесь не заметить, что о глобальных проблемах, ответственность за которые несет советская экономическая наука, мы вспомнили только в 80-е гг.!

А. К.: Мне кажется, что до самого последнего времени нормальным отношениям с коллегами на Западе мешала наша претензия на то, что мы обладаем каким-то особым секретом, которого нет у них, и его отсутствие обесценивает все, что они делают. Мы, конечно же, привыкли к вызывающей риторике, порой сами ее не замечаем, что нередко ставит нас в неловкое положение. Однажды я получил письмо от одного исследователя из ФРГ. Завязалась переписка, которая неожиданно прервалась, – я послал одну из своих последних публикаций, в которой содержались привычные для нас, но противоречащие научной этике штампы.

С. К.: Совсем недавно, в 1987 г., в Великобритании вышел четырехтомный словарь «Нью Пэлгрэйв» (The New... 1987), одна из наиболее авторитетных энциклопедий по экономическим наукам. Среди немногих советских экономистов, упомянутых в нем, трое сотрудников Конъюнктурного института. А именно в словаре были помещены статьи, посвященные творчеству Н. Д. Кондратьева, Е. Е. Слуцкого, А. А. Конюса. Все это свидетельствует о высоком международном авторитете, который снискал Конъюнктурный институт Наркомфина СССР, а в его лице и вся советская экономическая наука 20-х гг. Есть о чем призадуматься экономистам 90-х гг.

В заключение нашей беседы позвольте, Александр Александрович, поблагодарить Вас за рассказ о Конъюнктурном институте, который приблизил нас к такому далекому, но сегодня во многих отношениях близкому для нас времени. Ваши воспоминания смогли оживить скупые строки архивных документов, установить детали, которые, казалось, были навсегда утрачены.

А. К.: «На старости я сызнава живу, минувшее проходит предо мною», – так, кажется, сказал поэт. Хочется поблагодарить Вас и Ваших коллег, взявшихся всерьез за изучение закрытых прежде или односторонне освещавшихся страниц истории нашей экономической науки. Думаю, многое из того, что было давно и несправедливо забыто, может стать полезным сегодня. Я всегда прекрасно сознавал цену тем обвинениям, которые послужили основой для осуждения Н. Д. Кондратьева и его сотрудников. Я рад, что дожил до того времени, когда этот выдающийся ученый реабилитирован.

Библиография

Батуев М. И. 1941. *Индексы продукции и экономические барометры капиталистических стран.* М.; Л.

Бобров С. П. 1925. *Индексы Госплана.* М.

Динамика цен советского хозяйства. 1930. М.

- Игнатьев М. В. 1925.** *Конъюнктура и цены.* М.
- Игнатьев М. В. 1927.** Конъюнктура. *Финансовая энциклопедия* / Ред. Г. Я. Сокольников и др. 2-е изд., стб. 656–657. М.; Л.
- Комлев С. Л. 1991.** Конъюнктурный институт (судьба научной школы Н. Д. Кондратьева). *Репрессированная наука* / Отв. ред. М. Г. Ярошевский, с. 163–180. Л.: Наука.
- Конюс А. А. 1924.** Проблема истинного индекса стоимости жизни. *Экономический бюллетень Конъюнктурного института* 9–10.
- Конюс А. А. 1984.** Определение математической вероятности в связи с ее применением в экономике. *Методы экономических обоснований планов развития внешнеэкономических связей.* М.
- Конюс А. А., Бюшгенс С. С. 1926.** К проблеме покупательной силы денег. *Вопросы конъюнктуры* 2.
- Конъюнктура.** БСЭ. 1-е изд. Т. 34, стб. 188–189. 1931. М.
- Кохн М. П. 1926.** *Русские индексы цен.* М.; Л.
- Ленин В. И. 1970а.** *Полн. собр. соч.:* в 55 т. 5-е изд. Т. 44. М.
- Ленин В. И. 1970б.** *Полн. собр. соч.:* в 55 т. 5-е изд. Т. 45. М.
- Ленин В. И. 1970в.** *Полн. собр. соч.:* в 55 т. 5-е изд. Т. 52. М.
- Ленин В. И. 1970г.** *Полн. собр. соч.:* в 55 т. 5-е изд. Т. 53. М.
- Ленинский сборник.** Т. 39. 1980. М.
- Статистика:** учебник для вузов / Сост. под рук. В. И. Хотимского. 1932. М.; Л.
- Струмилин С. Г. 1980.** *На плановом фронте.* М.
- Чаянов А. В. 1926.** Рецензия на книгу: Вопросы конъюнктуры / под ред. Н. Д. Кондратьева. М., 1925. *Наука и искусство* 1: 254.
- Shumpeter I. 1954.** *History of Economic Analysis,* pp. 1157–1158. New York, NY.
- The New Palgrave: A Dictionary of Economics** / Ed. by J. Eatwell, M. Milgate, P. Newman. 1987. London.
- Архив:**
ЦГАНХ СССР – Центральный государственный архив народного хозяйства СССР.